

язычный лексикон» Ф. Поликарпова, который вышел в 1704 году в Москве).¹⁸ Он просит Академию позаботиться о переписке этого необычайно разросшегося труда, так как сам он, занятый другими работами, не сможет этого сделать. И эта просьба также осталась неуслышанной. Неудивительно, что подобное равнодушие к его ученой деятельности только усиливало неуравновешенность его характера.

В области исторического исследования Паус прежде всего указывал на свои заслуги в разработке русской хронологии, в установлении правильных дат ряда событий русской истории. Над этим он трудился еще будучи учителем царевича.¹⁹ Эту работу Паус мог передать Петру I уже весной 1704 года, о чем он писал А. Г. Франке, которого напрасно просил напечатать в Галле, в только что заведенной там русской типографии этот хронологический обзор русской истории. На основании своих хронологических принципов Паус составлял каталоги князей и потратил на это, как подчеркивается в «*Observationes*», много труда и времени. Он еще предлагал Академии для напечатания краткое описание рек, дорог и больших магистральных путей России с указанием расстояний в верстах.

Важны также сведения, приводимые Паусом о летописи, которую он приписывает архимандриту Феодосию и которая позднее приобрела столь большое значение для русской историографии под названием летописи Нестора. То, что Паус сразу оценил ее, свидетельствует о большом его умении разбираться в древнерусских летописях. Паус излагает историю драгоценной рукописи и прославляет Петра I за его хлопоты по приобретению этого сокровища сразу же, как только оно было ему показано в Кенигсберге. Это случилось, по-видимому, в 1717 году, во время последнего путешествия царя в Среднюю и Западную Европу. Филолог и историк Байер был очевидцем настойчивых усилий Петра I договориться о покупке этой летописи в Кенигсбергской библиотеке. Вероятнее всего, что именно при этом между Э. Т. Байером и Петром I завязались те личные отношения, которые впоследствии привели к призыванию этого ученого в Петербург в качестве одного из первых членов Академии наук. Уже 3 декабря 1725 года Байер стал действительным ее членом по русским и греческим древностям. Паус, как упомянуто, вовлек его в занятия русской историей. Кроме того, Байер имеет большие заслуги в китаеведении.

¹⁸ См.: И. В. Ягич. История славянской филологии, стр. 928.

¹⁹ См.: E. Winter. Russlandkunde, стр. 204—206 и хронология в «Приложении» после стр. 504.